

С.Г. СТРУМИЛИН

**ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИКИ
ТРУДА**

СТАНИСЛАВ ГУСТАВОВИЧ
СТРУМИЛИН

**ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИКИ ТРУДА**

Утверждено к печати
Институтом экономики АН СССР

Редактор издательства *Н. А. Григорьева*
Художественный редактор *И. Ю. Нестерова*
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*
Корректоры *В. А. Бобров, Н. А. Несмеева*

ИБ № 22302

Сдано в набор 03.02.81.
Подписано к печати 12.08.81.
Т-24106. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 41,3. Уч.-изд. л. 45,2.
Усл. кр. отт. 41,3.
Тираж 3650 экз. Тип. зак. 486.
Цена 4 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск-77, Станиславского ул., 25.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

С. Г. СТРУМИЛИН

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ ТРУДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик Н. П. ФЕДОРЕНКО — главный редактор
член-корреспондент АН СССР Г. М. СОРОКИН — зам. главного редактора
член-корреспондент Л. М. ГАТОВСКИЙ
член-корреспондент АН СССР Т. В. РЯБУШКИН
член-корреспондент АН СССР Е. И. КАПУСТИН
доктор экономических наук М. Я. СОНИН
Т. Г. СТРУМИЛИНА

Ответственный редактор

доктор экономических наук
М. Я. СОНИН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от редакции	5
Предисловие	8
I. О задачах научной организации труда	9
II. К вопросу о классификации труда	13
III. Проблемы рационализации труда	30
1. Наши трудовые ресурсы и перспективы	30
2. Энергетика и труд	39
3. Рационализация труда и сверхурочные работы	49
IV. Проблемы квалификации труда	58
1. Квалификация труда и выучка рабочих	58
2. Главнейшие факторы квалификации	75
3. Квалификация и одаренность	85
V. Хозяйственное значение народного образования	99
1. Физический труд и школьное обучение	99
2. Умственный труд и образовательный ценз	114
VI. К проблеме рождаемости в рабочей среде	126
1. Западный опыт	126
2. Советские условия	129
3. Решающий фактор	135
VII. К методологии рабочего бюджета	141
1. Уроки практического опыта	141
2. Поиски новых решений	148
VIII. К изучению быта трудящихся в СССР	157
1. Быт и статистика	157
2. Бюджет времени русского крестьянина	159
3. Годовой бюджет времени колхозников	174
4. Бюджет времени русского рабочего в 1922 г.	178
5. Бюджет времени рабочих в 1923/24 г.	190
6. Бюджет времени служащих	215
IX. Домашний быт по инвентарям	230
1. Инвентари рабочих и служащих	230
2. Культурный уровень трудящихся по инвентарям	241
3. Емкость городского рынка по инвентарям	246
X. Условия труда в сельском хозяйстве	251
1. Динамика поденной платы за 1882—1916 гг.	251
2. Годовой и сроковой наем батраков за 1871—1915 гг.	257
3. Сдельщина и продуктивность батрацкого труда в до- революционной России	269
4. Динамика рабочих в сельском хозяйстве СССР	274

XI. Условия труда в промышленности	286
1. Оплата промышленных рабочих в России за 1900—1916 гг.	286
2. Прожиточный минимум и заработки чернорабочих в Петрограде 1914—1918 гг.	302
3. Питание петроградских рабочих в 1918 г.	307
4. Жилищный вопрос в Петрограде	321
5. Производительность труда после революции	323
6. Рабочее время в промышленности СССР (1897—1935 гг.)	327
XII. Динамика условий труда в СССР за 1917—1927 гг.	333
1. Период военного коммунизма	333
2. Подъем 1921—1927 гг.	364
XIII. Проблемы производительности труда	370
1. К изучению оплаты и производительности труда	370
2. Наука и производительность труда	399
3. Об изучении уровня производительных сил	408
4. Об измерении народного благосостояния	430
5. К методике международных сопоставлений	442
6. Об измерении производительности труда	448
7. Наш труд — чужими глазами	463

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

Научная деятельность академика С. Г. Струмилина — главы нескольких поколений советских экономистов — поражала своей многогранностью, широтой диапазона творческих исканий. Этому способствовали его яркий талант, энциклопедичность знаний, феноменальная работоспособность, неиссякаемая энергия, лучшие традиции русской и мировой науки, которые замечательный ученый воспринял, обогатив их на основе марксистско-ленинской методологии.

Станислав Густавович внес значительный вклад в развитие различных областей экономической науки. Его научную мысль, по словам академика В. С. Немчинова, можно уподобить мощному плугу, впервые глубоко бороздящему нетронутую целину. Это положение в полной мере относится и к такой области экономики, как экономика труда, в которой С. Г. Струмилин стал одним из основоположников научных исследований в СССР.

Внеся крупный вклад в теоретическое обобщение первого в мире опыта развития социалистического общества, Струмилин заглядывал далеко вперед и нередко выдвигал такие положения, которые вызывали горячие споры среди ученых. Но он говорил, что человеку свойственно ошибаться, в особенности если не отступать перед постановкой трудных проблем и не удовлетворяться трафаретными решениями. Надо подчеркнуть, что в оценку наиболее дискуссионных положений, выдвинутых С. Г. Струмилиным, время уже внесло, а в некоторые еще внесет коррективы в пользу их автора.

Характерной чертой работ Станислава Густавовича Струмилина является тесная связь теоретических исследований с практикой. Однако, отличаясь особенной скромностью, Станислав Густавович чрезвычайно скупно оценивал значимость своих исследований для науки. В этом убеждается и читатель, ознакомившись с прижизненным предисловием автора к данному тому его сочинений, в котором он говорит о «пока еще очень немногих теоретических предпосылках и выводах, накопленных в процессе нашего опыта», содержащихся в его «Очерках по экономике труда». К счастью, значение работ С. Г. Струмилина выходит далеко за рамки его собственных весьма скромных оценок.

Как увидит читатель, С. Г. Струмилин в предельно сжатой по форме и очень емкой по содержанию работе «К вопросу о классификации труда» всесторонне рассмотрел процесс труда с экономической, физиологической, психологической, социальной и исторической точек зрения, сделал научно обоснованный вывод о труде как понятии историческом. Образцом аналитического подхода к одной из самых сложных проблем экономики труда является разработанная Струмилиным классификация профессий и специальностей, получившая широкое признание. А его работы по проблемам квалификации труда и о народнохозяйственном значении образования, включенные в данный том, послужили основой целой науки об экономической эффективности образования как в нашей стране, так и за рубежом.

В нашей стране впервые в истории возникла необходимость и возможность реализации социалистического принципа распределения по труду. С. Г. Струмилин был последовательным противником уравниловки. Разработанные им методы классификации и группировки профессий, его большая работа по определению основных факторов дифференциации

в оплате по труду и в области редукции труда имели определяющее значение для организации заработной платы. Следует особо отметить только теперь хорошо понятую прогрессивность струмилинского подхода к вопросам организации труда.

С. Г. Струмилин впервые осуществил социально-экономическое исследование бюджета времени различных групп трудящихся. Именно Станислав Густавович вместе с ближайшими соратниками на трудовом фронте Л. Е. Минцем и Б. Н. Бабыниным разработал методологию такого исследования и выполнил глубокий анализ бюджетов времени — крестьянина, колхозника, рабочего и служащего.

Работы, включенные в данный том, охватывают не только проблемы экономики труда, но и затрагивают ряд смежных областей науки, в частности науку о народонаселении. Станиславу Густавовичу Струмилину принадлежат интереснейшие демографические работы, в которых, пользуясь точным исследовательским инструментарием, он показал социальные последствия первой мировой войны и дал в общих чертах живую и, как показало будущее, правильную картину демографического развития советского общества. Удивительно точно подтвердился сделанный им двадцатилетний прогноз численности населения СССР (на 1920—1941 гг.).

Более всего С. Г. Струмилина занимал вопрос о факторах роста населения и о зависимости его темпов от социально-экономических условий. В связи с этим он много внимания уделял роли материального благосостояния и принадлежности к общественной группе. Изучив результаты проведенного в 1934 г. экспедиционного бюджетного обследования рабочих, служащих и инженерно-технических работников, он впервые доказал существование обратной зависимости между уровнем доходов и плодотворностью при социализме, когда в условиях растущего благосостояния и культуры все большая доля жизненных сил направляется и впредь несомненно будет направляться в область развития творческой самостоятельности, искусства и науки. Это положение в полной мере подтвердилось последующей почти 45-летней практикой.

Но заглядывая вперед еще дальше, Струмилин выдвинул следующее положение, которое и поныне вызывает споры, а среди некоторых известных демографов и прямые возражения: «Можно, конечно, уже априори ожидать, что при развернутом коммунизме, в условиях общественного воспитания детей и самой широкой охраны детства и материнства, когда, в атмосфере всеобщего внимания и почета, материнство не связано будет уже ни с какими материальными тяготами, рождаемость получит у нас новые, еще нигде и никогда не виданные стимулы для своего здорового роста, а детская и общая смертность — небывалые шансы для своего дальнейшего снижения... Что же касается ожидаемого перелома в условиях рождаемости, то во всяком случае еще останется под вопросом, когда именно и в каких формах произойдет полная его реализация. Опаснее всего, однако, было бы в этом отношении принимать без проверки ожидаемое за сущее, ибо это обычно приводит к весьма прискорбным последствиям в практической политике».

Нам представляется, что и в данном случае Струмилин видел гораздо дальше своих противников и предсказывал именно то направление в изменении тенденции рождаемости, которое можно ожидать после той низкой рождаемости, которая имеет место в современных условиях.

К сожалению, ограниченный объем и характер работ, включенных в этот том автором (включены только законченные произведения)¹, не позволил дополнить это издание рядом других интересных положений, выдвинутых С. Г. Струмилиным в научных докладах и других не опубликованных в печати работах. В частности, это относится к разработке С. Г. Струмилиным проблем баланса рабочей силы, которому он уделял особое внимание.

¹ Подготовка данного тома к переизданию была осуществлена С. Г. Струмилиным в последние годы его жизни.

Как известно, при составлении первого пятилетнего плана под руководством и при непосредственном участии Станислава Густавовича впервые в мире был разработан перспективный плановый баланс труда на 1927/28—1932/33 гг., принципиальное значение которого было блестяще сформулировано Струмилиным в следующем положении: «Баланс рабочей силы в условиях расширенного социалистического воспроизводства, которое предопределяет планомерную перестройку в растущих масштабах всех производственно-трудовых пропорций народного хозяйства на каждом этапе его развития,— это не только составная часть народнохозяйственного плана, а гораздо больше. Это венчающее его завершение, в котором в многосложном единстве плановая мысль, как в туго сжатом кулаке, концентрирует в трудовых пропорциях все основные политические задачи и экономические замыслы предстоящего планового периода. Говоря иначе, в перспективном балансе рабочей силы мы усматриваем наиболее сгущенный концентрат любого плана. В его простых пропорциях заверстан весь сложный разум и, если можно так выразиться, сама незримая душа плана»².

Большой вклад академика Струмилина в разработку проблем повышения общественной производительности труда. Он тщательно изучал соотношение между живым и овеществленным трудом и влияние этого соотношения на образование накопления. В связи с анализом эффективности новой техники им были рассмотрены соотношения между ростом производительности труда и снижением себестоимости, их роль в расширенном воспроизводстве материальных благ, техническая вооруженность труда во взаимосвязи с органическим составом производственных фондов, функции средств производства и рабочей силы.

Тезис С. Г. Струмилина о влиянии автоматизации на экономию не только живого, но и овеществленного труда сыграл исключительно важную роль в становлении научных представлений об экономической эффективности новой техники. Отстаивая идею о необходимости экономии совокупного труда и ее отражении в расчете роста производительности труда, он писал: «Это бесспорно азбука науки. Но, к сожалению, вопреки этой азбуке и доныне еще господствует требование в учете производительности труда считаться только с затратами живого труда, совершенно не учитывая ни экономию, ни перерасход в издержках труда прошлого». Впервые в нашей литературе С. Г. Струмилин предложил исчислять экономию рабочего времени с учетом прошлых и текущих затрат труда. Разработанный им индексный метод учета производительности труда явился громадным шагом вперед в определении производительности труда в народнохозяйственном масштабе.

XXVI съезд КПСС поставил задачу поднять на более высокий уровень организацию общественного труда, осуществить глубокие преобразования в важнейшей сфере жизнедеятельности людей — в труде. Можно утверждать, что работы С. Г. Струмилина по вопросам труда будут весьма полезными для выполнения предначертаний партийного съезда.

Ответственный редактор
доктор экономических наук, профессор
М. Я. Сонин

ПРЕДИСЛОВИЕ

В программах наших экономических вузов давно уже пользуются правом гражданства такие научные дисциплины, как экономика сельского хозяйства, экономика промышленности, экономика транспорта, экономика торговли. Но кафедры по экономике труда, насколько мне известно, нет еще ни в одном из наших университетов. Объясняется это, конечно, прежде

² ЦГАНХ СССР, ф. № 219, оп. 1, д. 439.

всего тем, что относящаяся сюда область вопросов еще очень мало разработана. Мы говорим здесь, понятно, о *теоретической* разработке, ибо в нашей хозяйственной практике, худо или хорошо, проблемы экономики труда ставятся и разрешаются в таких широких планах и масштабах, как нигде в мире.

Центральные для нас проблемы рациональной организации и тарификации труда в связи с еще более общей задачей планового воспроизводства квалифицированной рабочей силы ставят перед нашими регулирующими органами ежедневно и ежечасно целый ряд более частных проблем экономики труда, которые зачастую приходится разрешать почти ощупью, без достаточного теоретического обоснования. Обстановка революционного творчества не благоприятствует отвлеченному теоретизированию, ибо, перегружая все активные элементы настоятельнейшими практическими заданиями дня, не оставляет им избытка времени для раздумья. Но, конечно, не в интересах этой практической работы было бы растерять все те, пока еще очень немногие, теоретические предпосылки и выводы, какие мы все же постепенно накопим в процессе нашего опыта. Вот почему мы решили здесь собрать воедино и предложить вниманию читателя ряд наших очерков по вопросам экономики труда, не лишенных, как нам казалось, известного практического и теоретического интереса.

Мы сознаем, понятно, всю отрывочность этих очерков. К освещению выдвинутых нами экономических проблем мы привлекали, где это было возможно, довольно обильный цифровой материал, широко пользуясь наиболее пригодными для изучения конкретной экономики статистическими методами исследования. Тем не менее наши этюды в этом отношении, разумеется, далеко не исчерпывают вопроса и не претендуют на положительное разрешение выдвинутых в них задач. В большинстве случаев нашей целью было лишь поставить ту или иную проблему и наметить методологические пути к ее разрешению.

Некоторые из предлагаемых очерков написаны уже много лет тому назад и потому в условиях переживаемого момента имеют, казалось бы, лишь исторический интерес. Так, например, злоупотребления сверхурочными работами времен военного коммунизма давно уже изжиты. Но уроки этого опыта сохраняют весь свой интерес и для будущего. Плановые расчеты динамики трудовых ресурсов на много лет вперед, предложенные нами еще в первый год деятельности Госплана, конечно, тоже потеряли свое плановое значение. Но методологический их интерес не ограничивается прошлым временем, ибо такие же расчеты вполне уместно было бы повторить и после второй мировой войны.

Первое издание настоящего сборника¹ давно разошлось. Настоящее издание пересмотрено и дополнено многими новыми работами за последующие годы и некоторыми новыми данными. Но и в этом составе наш сборник не может претендовать на полноту охвата всей тематики многосложных проблем экономики социалистического труда.

Несомненно, в интересах большей целостности и структурной стройности этой книги все ее части следовало бы не только основательно пересмотреть, но и заново переработать.

Однако за недостатком времени нам пришлось отказаться от этой мысли в надежде, что от внимательного читателя не ускользнет все же то внутреннее единство — служение идеалам пролетариата, — которым проникнуты все отдельные составные части настоящего сборника.

Январь 1956 г.

¹ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. Очерки и этюды. М.: Вопросы труда, 1925.

I. О ЗАДАЧАХ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ¹

Научная организация труда прежде всего предполагает широкое внедрение достижений науки на всех участках производственного труда в целях повышения его эффективности. Однако доныне далеко еще не созрели все социальные предпосылки такого внедрения. Масштабы и темпы оплодотворения производственного и управленческого труда Наукой еще более чем скромны, и не всем еще ясно даже, с какого конца и как такую Научную организацию труда в народном хозяйстве лучше всего начинать. В каких сочетаниях и пропорциях заводская выучка и школьная наука, простой, полуавтоматический и сложный труд, массы работников в основном исполнительного физического труда и кадры рационализаторов, людей по преимуществу творческого труда, способны в различных условиях создать оптимальный эффект, — это еще не решенная задача.

В условиях капитализма, на самых передовых заводах Форда в США, эта задача решалась проще всего. Мы знаем, что даже во времена самого дробного, мануфактурного разделения труда мастеровые разных цехов и профессий еще значительно различались своей выучкой и качеством труда. И, скажем, труд ручных набойщиков ситцев расценивался в 2 раза выше труда ручных ткачей. В работе таких «умельцев» от слов «ум», «уметь» овеществлялась наряду с физическим еще и немалая доля умственного труда.

Но на смену этому старому разделению труда пришло новейшее в дни машинной техники империализма. И, например, у Форда на его конвейерах с принудительным ритмом не осталось уже вовсе места для умственного труда привязанных к ним рабочих. Весь умственный труд Форд целиком сумел переложить на своих наемных инженеров. Они, согласно всем требованиям своей науки, расчленили весь производственный процесс на простейшие элементы, рассчитали, сколько секунд требуется рабочим на предписанную каждому из них микрооперацию, рассадили их у движущейся ленты конвейера, и рабочим осталось лишь с утра до вечера без остановки, бездумно «вкалывать» заданное, автоматически повторяя хоть всю жизнь одни и те же движения, повторяя тем более бездумно, что ритмы конвейера уже так рассчитаны, чтобы вовсе не оставлять времени для раздумий.

Однако крайнее упрощение операций сознательного рабочего до того, что они становятся доступными даже умственно отсталым людям, с монотонным повторением их без передышки через каждые 6—7 сек. до 4 тыс. раз в день и свыше 1 млн. раз в год, не так уж и разумно: при такой однобокой нагрузке работает, сильно переутомляясь, лишь небольшое число мышц и нервных узлов человека, а все остальные, не исключая и самых высших центров головного мозга, остаются праздными и без повседневной практики постепенно атрофируются. Советские физиологи труда находят, что даже на конвейерах можно и нужно значительно расширить объем и круг заданий, выполняемых каждым рабочим, чтобы, не обедняя их психики, мобилизовать в оптимальных ритмах новые группы мышц и нервных центров и тем самым сделать их труд более содержательным, а значит,

¹ Статья в сб.: Эффективность научно-технического творчества. М.: Наука, 1967.

и не столь утомительным². Советские рабочие, имея свободный выбор, впрочем, и сами быстро уходят с таких работ, где им предлагается слишком нудный «механический труд». Да и вся современная техника с каждым годом повышает требования к рабочим, не столько к их мускульной энергии, сколько к сумме их знаний, гибкости мышления и воле к труду. И все это в корне противоречит западным установкам фордизма в области рационализации труда.

В такой рационализации производства, в которой зияющее противоречие в разделении умственного и физического труда достигает своего апогея и где наука уже вполне откровенно становится на службу одному лишь капиталу, именно потогонная система крайней эксплуатации труда еще совсем недавно рассматривалась в капиталистических странах как последнее слово научной его организации. Но это не наша концепция. Бездумный и к тому же физически изнуряющий труд не может быть ни радостным, ни высокопроизводительным.

В условиях социализма мы стремимся прежде всего ликвидировать столь уродливое капиталистическое разделение труда, в котором командующее меньшинство хозяев, пользуясь своей монополией собственности на средства производства, утверждает эту монополию и на все преимущества умственного развития. В бесклассовом обществе Наука должна в равной мере служить всем людям в их труде и творчестве. Вот почему в СССР, обеспечивая всем возможность бесплатного обучения вплоть до высшего инженерно-технического уровня, мы уже узаконили уровень средней школы как минимум обязательного для всех наших детей школьного политехнического образования. Детский мозг особенно восприимчив к учению. И эту его особенность целесообразно полностью использовать во все годы созревания его до лет полной уже годности всего организма к здоровому и полноценному общественному труду. Такая подготовка к труду нового поколения составляет вместе с тем и важнейшую предпосылку воистину научной организации труда в производстве.

Сажать за конвейер разумных людей, способных к качественному труду, и отводить им роль полулюдей-полуавтоматов в условиях социализма не только бесчеловечно, но и нерасчетливо. Такую роль гораздо лучше выполняют полностью автоматические станки и агрегаты. А разумных людей с много бóльшим хозяйственным эффектом можно использовать там, где еще не хватает автоматики, и везде, где ею уже можно управлять и налаживать ее, повседневно улучшая на ходу и приемы труда, и технические приспособления. Конечно, там, где к такой рационализации труда годен по своей подготовке и проявляет заботу о ней повседневно весь коллектив трудящихся в своих собственных интересах, ее эффект будет неизмеримо выше, чем там, где над рационализацией производства мудрует лишь верхушка наемных управленцев в хищнических интересах своих нанимателей. А поскольку интересы последних вовсе не совпадают с общими интересами трудящихся, то и рационализацию по указке частных предпринимателей, или так называемые тейлоризм и фордизм, можно рассматривать лишь как злостную карикатуру на подлинно Научную организацию труда.

Научной организацией труда становится лишь там, где наука и труд, взаимообогащаясь на всех ступенях производства, могут опереться не только на выводы большой науки, но и на массовую творческую самостоятельность самих умельцев непосредственно в производстве, у каждого станка и мотора.

Вспомним, как готовил к труду таких умельцев еще в первые годы Советской власти незаурядный поэт революции и первый рационализатор труда в СССР Алексей Капитонович Гастев. Станочники в его институте труда (ЦИТ) прежде всего должны были до тонкости изучить

² Селюпин В. Ритмы здоровья.— Москва, 1966, № 7, с. 150 (ссылка на работы З. М. Золиной).

свой станок и назначение всех его частей до последнего винтика, с тем чтобы в случае нужды каждый станочник мог сам его наладить или переналадить без чужой помощи. А затем совместно с учителем изучались, разлагаясь на элементы, все рабочие движения и излишние исключались, а наиболее экономные в новом их сочетании закреплялись повторением. Анализ и синтез — это азбука науки. И в результате такого метода обучения каждый ученик при достаточной школьной подготовке уже за две-три недели и сам становился умельцем на своем рабочем месте. А главное, каждый из них тем самым овладевал научным методом рационализации своего труда на любом рабочем месте.

В отличие от бездушного фордизма, насаждающего уродливый бездумный труд, школа Гастева, как видим, умножала все более вдумчивый и разумный труд, сознательно исключаящий все излишества в использовании наиболее ценной человеческой энергии. Исключить излишества не так уж просто. Но именно поэтому даже рядового умельца можно уподобить художнику, который тоже, лишь отсекая «все лишнее» из безликой глыбы мрамора, извлекает из нее прекрасные образцы очеловеченной культуры. В таком именно мастерстве и скрываются подлинные качества творческого труда.

К сожалению, со смертью Гастева надолго были забыты и многие из рекомендованных им методов рационализации труда. Но в условиях социализма не иссякала общественная в них потребность. Она уже в порядке самостоятельности самих трудящихся в социалистическом соревновании выдвигала под разными наименованиями все новые задачи этого массового движения за повышение производительности и высокие качества труда.

Начиная с 30-х годов миллионы ударников включаются в соревнование за количество создаваемого продукта. Затем движение расширяется за счет легионов отличников в борьбе за все лучшее его качество. Росло число новаторов производства и по всем другим линиям. Ширилось движение и за совмещение нескольких профессий каждым из рабочих. Возрастала их тяга к учебе без отрыва от производства, сначала в скромных масштабах овладения техникой и сдачи экзаменов по техминимуму, затем и в самых широких — с лозунгом «Учиться, работать и жить по-коммунистически». И если экзамен по техминимуму сдавали миллионы рабочих, то в бригадах, соревнующихся за коммунистическое отношение к труду, участвуют уже десятки миллионов.

Конечно, совсем не случайно и то, что именно рабочие в процессе производственного творчества ныне уже ежегодно дают миллионы ценных изобретений и рационализаторских предложений. Но можно ли сказать, что у нас тем самым создана Научная организация труда? Конечно, нет. Это лишь неорганизованный самотек масс в нужнейшем направлении. Его еще нужно возглавить и организовать, обогатив всеми рычагами Науки управления.

Правда, у нас были уже попытки в порядке самотека под именем коллективного опытничества выполнять функции, более свойственные таким органам, как упраздненный ЦИТ Гастева. Рабочие некоторых цехов по собственному почину периодически устраивали дружеские встречи для обмена своими знаниями и опытом. Обсуждались с показом на практике всех деталей и приемов очередные работы, и лучшие из показанных достижений становились, таким образом, общим достоянием всех участников таких встреч. Но, разумеется, рабочие не могли организовать на этих встречах ни сравнительный хронометраж трудоемкости изучаемых работ и приемов, ни даже достаточно наглядный их показ на замедленном продвижении киноленты. Не хватало элементов точной науки, да и «опыт» использовался на глазок, весьма кустарно. А главное, все возможные достижения замыкались в слишком узком кругу одного лишь цеха или бригады, хотя показ лучших достижений следовало бы организовать не только в цехах, но и периодически на самых широких отраслевых конференциях для скорейшего их внедрения по всей стране.

Однако по всему фронту организации труда наши достижения все же огромны. И доля наиболее ценного умственного труда в общих его затратах неизменно возрастает. Показательно, что даже в весьма трудоемких металлургических цехах доля умственного труда по хронометражу в работе таких высококвалифицированных профессий, как сталевары, сталепрокатчики, уже и ныне достигает 70% их времени. Возрастает неизменно и число ценнейших изобретений в сфере производства. Труднее всего пока решается лишь проблема внедрения этих изобретений, да и всех других достижений научной организации труда. Для решения данной проблемы у нас и доныне нет еще ни надлежащего организационного центра и его органов на местах, ни продуманной системы поощрения за скорейшее внедрение. А между тем народнохозяйственные потери, какие мы несем из-за слишком медленного внедрения лучших достижений, неисчислимы.

Понятие «Научная организация труда» очень широко. И его никак нельзя ограничить слишком узкими техническими рамками. Наука и Труд в безотрывном единстве продвигают, конечно, вперед и технику. Но в условиях социализма, следуя универсальному закону экономии времени, даже за лучшую технику мы боремся прежде всего в интересах самих трудящихся масс.

Таким образом, в широкой социальной трактовке научная организация труда — это такая его организация, которая ставит перед собой задачу неуклонного роста производительных сил общества и производительности его труда, не только без ущерба здоровью и жизни трудящихся, но даже с облегчением и сокращением в общей сумме затрат доли самого простого и утомительного физического труда и расширением наиболее сложных и совершенных форм труда умственного. С ростом автоматизации и телемеханики границы необходимого времени в сфере общественного труда несомненно сильно сокращаются. И это открывает перед нами все новые просторы для расширения границ свободного времени — в целях всестороннего развития наших способностей и разумного их использования в самом плодотворном и привлекательном на всех поприщах творческом труде. Мы уже не сомневаемся, что именно такой, все более увлекательный труд со временем превратится из средства к существованию в первую потребность нашей жизни. В соединении с радостями культурного отдыха такой полноценный труд несомненно завершит всю многогранную полноту нашего бытия. Уже поэтому можно сказать, что научная организация труда — это одна из важнейших задач и предпосылок расцвета всей Коммунистической науки.

II. К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ТРУДА ¹

Классифицировать — это значит привести в систему, упорядочить известный круг понятий. В области понятий о труде, области весьма многосложной и еще крайне мало разработанной, такая систематизация, т. е., говоря иначе, организация идей, имела бы особо значительный интерес. Ведь область труда — это та центральная область, или, скажем иначе, тот организационный фокус, где организация идей непосредственно скрепляется с организацией людей и производимых ими вещей. Вот почему нам хотелось бы привлечь к этой задаче возможно более широкие круги работников.

Прежде всего нам следовало бы условиться об одинаковом понимании основных трудовых терминов. В самом деле, ведь даже самые общие понятия, как, например, труд, производство, профессия, специальность, работа, операция, употребляются нами обычно в самом различном их значении без всякой критики и анализа.

Понятие труда

Что же такое труд?

Для экономиста — это всякая общественно полезная деятельность человека. Физиолог прибавит к этому, что *трудовая деятельность есть нервно-мышечный процесс за счет накопленной в организме потенциальной энергии.*

Можно еще сказать, что труд в материальном производстве — это процесс, совершающийся между человеком и природой, в котором человек своей деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой.

Проанализируем это определение. Прежде всего оно устанавливает, что труд — это деятельность. Стало быть, состояние покоя, сна, отдыха и тому подобные проявления бездеятельности этим исключаются. Правда, мы не знаем абсолютного покоя и бездеятельности, ибо «все течет», по изречению Гераклита, все движется, все меняется. Но эта философская относительность всех наших понятий и определений вовсе не мешает нам в практике жизни отличать с достаточной для нас точностью покой от движения, сон от бодрствования и отдых от работы.

Понятие деятельности, однако, чересчур широко по сравнению с понятием труда. Поэтому его приходится ограничить. Мы с равным правом можем говорить о деятельности и человека и естественных сил природы, например о разрушительной деятельности морских прибоев, ветров и т. п. Но слово «труд» в отношении к деятелям такого рода совсем неприменимо: прибой, ветер, локомотив могут совершать ту или иную механическую работу, но сказать про них, что они «трудятся», иначе как разве в поэтической метафоре невозможно. Это противоречит всем нашим представлениям и обычному словопотреблению. Про животных мы тоже не говорим о труде. Лошадь работает, но не трудится. Лишь про человека можно сказать с одинаковым удобством, что он трудится и что он работает.

¹ Организация труда, 1921, № 1. Здесь и далее дается первая публикация.

Отсюда вытекает первое ограничение. Трудом мы называем лишь деятельность *человека*. Вот почему, когда мы устанавливаем в экономике, что ценности создаются лишь *трудом*, нам нет нужды прибавлять, что работа лошади, машин, пара, электричества и всяких иных сил природы в это понятие отнюдь не включается.

Но и деятельность человека еще слишком широкое понятие. Сюда войдет и творчество Рафаэля, Ньютона, Эдиссона и бесплодное черпание воды решетом сказочного дурачка-Иванушки, политические речи Бебеля и Жореса и горячечный бред больного, танцы Айседоры Дункан и пляска св. Витта, игра в шахматы Морфи и Ласкера и игра в бабки деревенских мальчишек, эквилибристика цирковых артистов и эквилибристика лунатика, труд профессионального дегустатора и смакование за обедом тонких вин и яств гастрономом, труд гравера и работа фальшивомонетчика. С физиологической точки зрения все эти проявления деятельности здорового и больного человека представляют вполне аналогичные, а порой и тождественные нервно-мышечные процессы. Все эти процессы совершаются, конечно, за счет накопленной в организме потенциальной энергии. Но далеко не все из них покрываются понятием труда, ибо трудом мы называем лишь *общественно полезную* деятельность человека. Таково второе ограничение.

Значение его весьма условно. Один и тот же гравер может изготавливать одними и теми же приемами и полноценные денежные знаки и фальшивые кредитки. В первом случае это будет труд, ибо это полезная обществу работа, во втором — преступная деятельность, ибо она вредна для общества. Или возьмем еще один пример: спортсмен-любитель, тренируясь для состязаний, совершает подчас громадную работу. Но это не труд, ибо он потеет для своего лишь собственного удовольствия. Общество в этом не нуждается, общество этого не требует. Но если тот же спортсмен приглашается в школу в качестве учителя гимнастики или получает ангажемент в цирк для выступления перед публикой, то его работа становится уже трудом, ибо полезность ее получает свое признание со стороны общества.

В разные эпохи общество различно расценивает те или иные виды человеческой деятельности. Когда-то наши предки верили в «пóрчу», в «дурной глаз», в «привороты» и тому подобные благоглупости. В связи с этим общество предъявляло спрос на «колдунов», «волхвов», «ворожей», «знахарок» и тому подобных спецов. И тогда «умывание с угля» и разные гадания на кофейной гуще считались, конечно, таким же общественно полезным делом, как и всякое другое. Это был труд. А теперь гадания уже давно стали в лучшем случае забавой, а в худшем не менее предосудительным промыслом, чем всякий иной способ эксплуатации человеческой глупости и невежества.

Подобно этому проституция некогда считалась не только общественно полезным, но даже весьма богоугодным делом. Она составляла весьма важную принадлежность религиозного культа и практиковалась в храмах под попечительным покровительством жрецов, которые извлекали из нее для себя немалую пользу. Жрецы новейшего времени, отдавая долг лицемерии буржуазного общества, давно перечислили этот промысел из разряда чтимых в категорию только «терпимых». А с точки зрения вновь зарождающегося социалистического общества это и вовсе уже нетерпимое, мерзкое дело, способное искалечить не только тело, но и душу человеческую. Таким образом, проституция в качестве пользующегося общественным признанием трудового промысла уже на наших глазах становится живым анахронизмом. Но другие промыслы, столь же тесно, как и проституция, связанные с религиозным культом, и по сие время пользуются еще признанием очень широких кругов общества.

Древние жрецы и жрицы, названные так от слова «жрать» за свою способность пожирать кур, барашков и прочие приношения простодушных богомольцев на алтарь того или иного божества, переменили лишь фирму, применяясь к новой обстановке, но не оставили своего старого ремесла. Все эти иереи и архиереи нашего времени, давали ли они обет нищен-

ства или нет, приносят обществу за его деяния не больше пользы, чем всякий иной профессиональный побирушка христовым именем. Но пока это еще не осознано всем обществом, вопрос о том, как приличествует называть этих божьих пчелок, собирающих свой мед с многоцветной человеческой глупости, — тружениками или дармоедами, — мог бы вызвать очень жаркие и страстные споры.

Этими примерами я хотел лишь подчеркнуть, что в определение труда входит момент социологический: признание обществом полезности той деятельности, которую мы именуем трудом. Таким образом, труд для нас не логическое, а социально-историческое понятие, содержание которого далеко не тождественно в разные времена и даже для разных социальных групп в одно и то же время. А стало быть, во всякой классификации труда неизбежно скажется известный социально-исторический субъективизм, или, лучше сказать, классовая точка зрения классификатора.

Включение в понятие труда признака общественной его полезности необходимо, ибо иначе нам пришлось бы назвать трудом и черпание воды решетом, и игру в бабки, и бред больного, и пляску св. Витта, и отправление наших естественных потребностей, и многое другое. Но не следует давать этому признаку слишком распространительного истолкования. Например, можно бы сказать, что алкоголь вреден, а стало быть, те рабочие, которые его производят, должны быть исключены, подобно фальшивомонетчикам, из той области деятельности, какую мы называем трудом. Но это было бы неверно. Алкоголь — яд. Им можно отравиться. Это бесспорно. Но в то же время он с большой пользой употребляется и в медицине, и в химии, и в технике, например для освещения, в двигателях внутреннего сгорания и т. д. Значит, вред обществу причиняет не тот, кто производит алкоголь, а тот, кто им злоупотребляет в ущерб своему или чужому здоровью.

Что же прибавляет к предложенному экономистами истолкованию слова «труд» физиологическое его изъяснение в смысле нервно-мышечного процесса за счет накопленной потенциальной энергии?

Здесь следует рассмотреть особо два момента. Мы противопоставляем обычно два вида труда: физический и умственный. А физиология своим определением нам говорит, что для такого противопоставления нет достаточных оснований. Труд — это единый нервно-мышечный процесс, никакая мышечная работа немыслима без соответствующей деятельности нервно-мозговых путей и центров, и, наоборот, всякий, даже наиболее отвлеченный, умственный труд неизменно сопровождается мышечной деятельностью, хотя бы и в виде весьма слабых, *задержанных* рефлексов. Возьмем, к примеру, акт внимания. Аудитория выслушивает лекцию профессора. Здесь, казалось бы, для студентов нет нужды ни в какой мышечной работе. Но всмотритесь внимательнее в их лица, и вы заметите, по крайней мере у некоторых из них, вполне явное движение губ и мышц гортани, бессознательно воспроизводящих соответствующие движения лектора. Каждое слово его, запечатлеваясь в нашем мозгу, автоматически стремится, по-видимому, сорваться с наших губ. И лишь волевым импульсом мы задерживаем более резкое выявление этого рефлекса. Но это значит, что действию одних мышц мы противопоставляем этим импульсом сопротивление других. Это один физиологический момент.

Другой же момент заключается в том, что всякий нервно-мышечный процесс требует расходов наличной в организме энергии. В каком именно ее проявлении — это еще подлежит дальнейшему определению. Будет ли это механическая энергия, или тепловая, или электрохимическая, или какая-нибудь другая, еще не изученная нами, умеем ли мы измерить ее или еще нет, — во всяком случае, никакой труд, ни умственный, ни физический, невозможен без затраты энергии. Говоря иначе, всякий труд есть прежде всего определенная трата энергии. И в этом смысле понятие труда теснейшим образом примыкает к общепринятому в механике понятию работы.